

любовников, среди которой кто-то опрокинут «книзу головой», упоена механическим, бессмысленным движением; бенгальский огонь очеловечен. И в остальные стихи Заболоцкого, карнавалованные более или менее откровенно, чем «Белая ночь» и «Меркнут знаки Зодиака», попадают образы перевернутого мира, пущенного в замысловатую пляску по сигналу фанфар, возвещающих о начале балаганного шествия:

... Спи, форвард, задом наперед!
(«Футбол», с. 197)

... И дверь звенит, и рыбы бьются,
И жабры дышат наоборот!
(«Рыбная лавка», с. 211)

... Над ними небо было рыто
Веселой руганью двойной,
И жизнь трещала, как корыто,
Летая книзу головой.
(«Цирк», с. 226)

Карнавальны поэмы Заболоцкого «Безумный волк» и «Торжество земледелия». Можно смело утверждать, что карнавальная основа изначально присуща большинству произведений Заболоцкого 20-х и первой половины 30-х годов, хотя она и не всегда обнажается автором. Об этом свидетельствуют черновики поэта. Перерабатывая для «Столбцов» стихотворение «На рынке» (первый вариант заглавия — «Нищие на рынке»), Заболоцкий придавал ему оттенок жанровой зарисовки, оставил только глухие образные намеки на карнавальную природу его происхождения. Но карнавальность все же чувствуется в этом произведении, хотя поэт и перестроил сцену типично карнавального плана, подробно выписанную в ранней редакции:

Собака вышла, как купец,
ей в руки дайте блюдо,
наденьте на уши венец,
набрюшник от простуды.
И вот идет горбатый пес
По рынку. Стужа воеет,
как сакли, лавочки стоят,

жется, что на каждого из них наклеен ярлык и каждый является символом своих недостатков, словно участники маскарада „Торжествующая Минерва“, который был проведен в Москве в 1763 г. в честь Екатерины: маскарада, который изображал „мир наизнанку“». (А. М. Ripellino. Poesia Russa del Novecento. 1954, pag. XCIV).